
ІНТЕРВ'Ю З ПРОФЕСОРОМ Я.С.ШИФРИНИМ

Яков Соломонович Шифрин. Творческий путь

Яков Соломонович Шифрин – известный украинский ученый, специалист в области радиофизики и прикладной электродинамики, заслуженный деятель науки и техники Украины, доктор технических наук, профессор, Лауреат премии им. А.С. Попова АН СССР, пожизненный действительный член Международного общества инженеров по электротехнике и электронике (LifeFellow IEEE), академик и член президиума АН прикладной радиоэлектроники, соросовский профессор.

Я.С. Шифрин родился 23 апреля 1920 г. в г. Мстиславль (Белоруссия). В 1941 г. окончил Ленинградский государственный университет, а в 1944 г. – Военную Краснознаменную академию связи им. С.М. Буденного (ВКАС). Участник боевых действий в Великой Отечественной войне.

В 1946–1948 гг. Я.С. Шифрин – первый преподаватель радиолокации в Житомирском училище зенитной артиллерии. В 1951 г. он окончил адъюнктуру Артиллерийской радиотехнической академии (АРТА, с 1968 г. – Военная инженерная радиотехническая академия ПВО им. Маршала Советского Союза Л. А. Говорова, ВИРТА) до 1957 г. работал там на преподавательских должностях, а с 1957 по 1980 гг. – начальником кафедры антенн и распространения радиоволн. После увольнения из Вооруженных сил по настоящее время Я.С. Шифрин работает в Харьковском национальном университете радиоэлектроники (ХНУРЭ,

до 1993 г. – Харьковский институт радиоэлектроники, ХИРЭ) профессором, заведующим кафедрой, главным научным сотрудником.

Я.С. Шифрин внес фундаментальный вклад в ряд научных направлений. Он является основателем статистической теории антенн, а его работы в этой области удостоены мирового признания. Под его руководством были проведены фундаментальные исследования дальнего тропосферного распространения радиоволн, развита теория антенн с нелинейными элементами, разработаны новые методы диагностики фазированных антенных решеток.

Я.С. Шифрин подготовил около 20 докторов и более 50 кандидатов наук, опубликовал свыше 250 работ, в числе которых 12 монографий, является членом редколлегий восьми научных журналов, ряда ученых советов. Он инициировал создание Украинской Национальной ассоциации «Антенны» и проведение в Украине престижных международных научных конференций. Под его руководством к настоящему времени уже проведены 17 таких конференций.

7 октября 2014 г. в Риме на пленарном заседании Европейской микроволновой недели Президент Европейской микроволновой ассоциации профессор Вольфганг Хайнрих вручил профессору Я.С. Шифрину награду ассоциации «За выдающуюся профессиональную деятельность». Эта награда впервые вручена ученому постсоветского пространства.

Інтерв'ю с профессором Я. С. Шифриным

— Яков Соломонович, прежде всего, поздравляю Вас с очередной заслуженной и престижной наградой и от всей души желаю Вам крепкого здоровья, бодрости духа, благополучия и новых творческих свершений.

Ваша научная карьера является достойным примером для ученых нескольких поколений — Вы внесли фундаментальный вклад в создание и развитие ряда новых научных направлений, а полученные при этом результаты получили мировое признание и отмечены многими наградами, званиями и премиями. Я думаю, в основе всего лежит блестящее образование, которое Вы получили сначала на физическом факультете Ленинградского государственного университета, а затем на радиофакультете ВКАС, курсах по радиолокации в Высшей военной школе ПВО и, наконец, в адъюнктуре АРТА. Расскажите об этом периоде Вашей жизни. Насколько он определил Вашу дальнейшую судьбу? Кто были Ваши учителями в науке?

— В своем вопросе Вы затронули два момента:

- о важности полученного образования для последующей научной деятельности;

- о роли адъюнктуры в моей дальнейшей службе.

Начну с первого. Конечно, хорошее образование имеет немаловажное значение для будущей успешной научной деятельности. Помимо того, что оно во многом определяет общую культуру человека, оно, при хороших учителях, приучает человека думать, размышлять, что лежит в основе научной работы. Мне, в смысле образования, повезло. Во-первых, я окончил прекрасную школу — 37-ю среднюю школу г. Ленинграда (в 1991 г. ей было возвращено историческое название — Вторая Санкт-Петербургская гимназия им. Александра I), в которой работали замечательные учителя. Во-вторых, я окончил физический факультет Ленинградского университета, учебный процесс на котором был нацелен на то, чтобы студенты получили широкую общую подготовку в области физики.

Моими учителями на физфаке были академики В.А. Фок, В.И. Смирнов, С.Э. Фриш, и многие другие выдающиеся физики и математики. Учебных дисциплин было немного (порядка двадцати за весь период учебы), экзаменов тоже немного. Так, на четвертом курсе летом мы сдавали всего два экзамена, но на подготовку каждого из них давалось много времени. Особо запомнились три физические лаборатории и практические занятия, которые вели талантливые ассистенты (будущие доктора наук). Эти формы занятий были особо нацелены на выработку у студентов умения «соображать». И наконец, немалую пользу мне принесла адъюнктура АРТА. В отличие от нынешних адъюнктов, мы сдавали два экзамена по специальности (так называемый «широкий» и «узкий», экзамены по двум иностранным языкам и ряд дополнительных зачетов. В числе учителей здесь я хотел бы отметить замечательного математика проф. Н.С. Ландкофа и, особенно, одного из создателей теоретической физики в Украине – проф. А.И. Ахиезера. Оба они во время учебы были моими учителями, а впоследствии стали и моими друзьями. Так что, если подытожить сказанное, то действительно, я получил очень неплохое образование. И все же для успеха в науке нужны еще и определенные способности, целеустремленность и огромный труд.

– Конечно, нельзя обойти вниманием Ваше участие в Великой Отечественной войне. Какие эпизоды военной поры Вам наиболее запомнились? С 1944 г. Вы командовали одной из первых батарей СОН. Фактически на глазах у Вас происходило зарождение нового вида вооружения. Не секрет, что советские радиолокационные системы в то время существенно уступали зарубежной технике. Какое впечатление на Вас произвели новейшие радары союзников?

– Если говорить о Великой Отечественной войне, то мне хотелось бы отметить несколько запомнившихся моментов.

Первое – это абсолютно неожиданное для всех нас (включая и руководство страны) нападение немцев и необычайно

высокое чувство патриотизма, охватившее ленинградцев (да, я думаю, и население других городов СССР). Я тогда был председателем профкома физфака ЛГУ, и уже в первые дни войны мне было поручено формировать Народное Ополчение (НО) по трем факультетам университета. Записывались почти поголовно все студенты и преподаватели, даже весьма пожилые, с плохим здоровьем. Кое-кого из последних удалось впоследствии отсеять, но не всех. К сожалению, подавляющее большинство плохо вооруженных и необученных бойцов НО погибли в боях на подступах к Ленинграду. И тут я хотел бы остановиться на втором моменте, касающемся ВОВ.

Это наши огромные потери, как среди воинов Красной Армии, так и среди мирного населения. Я уже не говорю о тяжелейшем 1941 г., когда Красная Армия была разгромлена, много солдат и офицеров погибли, миллионы попали в плен и погибли там. Даже много позднее, когда вроде мы уже научились воевать, потери были огромными. Я вспоминаю сентябрь 1943 г., когда дивизия, в которой я исполнял обязанности начальника радиостанции командира дивизии, вела бои за освобождение Краматорска. За несколько часов боя сорок процентов дивизии вышло из строя. Да и в самом конце войны при штурме Берлина «в лоб» мы потеряли около полумиллиона человек. Добавим к этому блокаду Ленинграда, где погибли не менее миллиона жителей города, в том числе мой отец и другие мои родственники. В целом наши потери в ВОВ – это несколько десятков миллионов человек. Так что праздник Победы – это действительно праздник со слезами на глазах.

Что еще мне хорошо запомнилось по ВОВ – это блестяще организованная операция по передислокации нашей промышленности на восток страны. Проходило это в тяжелейших условиях быстрого наступления немцев, непрерывных бомбежек, нехватки людей и т.п. Тем не менее уже через год наша промышленность стала поставлять фронту необходимое вооружение. Во многом

благодаря самоотверженному труду женщин и 13–16-летних подростков.

Теперь о моей радиолокационной судьбе. Моя жизнь связана с радиолокацией с апреля 1944 г., так что на сегодня я, может быть, самый старый локаторщик постсоветского пространства. В сентябре 1944 г. я сформировал одну из новых батарей СОН. В основном батарея была женская. Мне прислали замечательную английскую станцию, именованную у нас

СОН-3Б (британская). Она состояла из двух компонент: APF (accuratepositionfinder – точный обнаружитель местоположения цели) и ZPI (zonepositionindicator – индикатор зоны нахождения цели). Последняя позднее была скопирована с немалым трудом нашей промышленностью и названа Мост-2. Во время железнодорожной аварии в декабре 1944 г. точная станция вышла из строя, и мне прислали канадскую станцию СОН-3К. Эта станция была много хуже, чем СОН-3Б, но, тем не менее, она, равно как и американские SCR-584 (будущая наша копия ее именовалась СОН-4) и SCR-545 были много лучше отечественной станции

СОН-2. Впрочем, это и неудивительно, ибо в начале и середине войны нам было не до радиолокации.

– *Сразу после войны Вы были направлены в Севастопольское (Житомирское) училище зенитной артиллерии. Какую роль сыграл этот период в Вашей дальнейшей карьере педагога и ученого?*

– Жизнь и работу в Житомирском училище в 1947–1948 гг. я все время вспоминаю с большой теплотой, несмотря на то, что бытовые условия тогда были достаточно трудными. Я был там первым и вначале единственным преподавателем радиолокации, мне пришлось разработать полный курс радиолокации и читать его не только шести группам курсантов, но и всему офицерскому составу училища. Позднее я с помощью офицера (Г. Айзенберг), приехавшего на короткое время из Москвы (из штаба Войск ПВО), развернул радиолокационную лабораторию и подготовил себе помощников, что и позволило мне с чистой совестью

уехать летом 1948 г. в Харьков, в адъюнктуру АРТА. Помимо своей основной работы, я за полтора года сдал в Житомире кандидатский экзамен по английскому языку и подготовился к сдаче кандидатского экзамена по философии. Ко всему этому не могу не отметить очень теплую обстановку в училище, созданную благодаря двум замечательным начальникам – генералу Рыбакову и сменившему его полковнику Десницкому.

– *Дальнейшая Ваша служба длительное время была связана с АРТА. По-видимому, во всех отношениях это был наиболее активный, плодотворный и творческий этап Вашей деятельности. Расскажите о наиболее ярких и памятных событиях, достижениях, встречах.*

– Несомненно, годы пребывания в Академии им. Л.А. Говорова (33 года) были наиболее плодотворным этапом моей жизни. Около 25 лет из этих 33-х я был начальником кафедры антенн и распространения радиоволн. За эти годы численность кафедры выросла с 15 до 120 человек. На кафедре появились три проблемные лаборатории, одна из которых формально числилась подразделением одного из крупных московских НИИ, но работала по планам кафедры. Кафедрой было выполнено огромное количество правительственных и хозяйственных работ. В ходе всей этой работы я познакомился со многими крупными военачальниками, директорами НИИ, Генеральными конструкторами и практически со всеми крупными учеными СССР в области прикладной электродинамики. Многие из них стали моими друзьями. Кафедра подготовила свыше 10 докторов и большое количество кандидатов наук. В заключение, без ложной скромности скажу, что, на мой взгляд, кафедра АФУ и РРВ была не только одной из лучших в Академии им. Л.А. Говорова, но и одной из лучших среди подобных кафедр военных и гражданских вузов СССР.

– *Круг Ваших научных интересов чрезвычайно широк, с Вашим именем связано становление и развитие новых научных направлений. Какие научные достижения*

являются для Вас наиболее значимыми? Расскажите, пожалуйста, историю с публикацией перевода Вашей монографии «Вопросы статистической теории антенн» в США.

– Несомненно, наиболее значимым является создание и развитие статистической теории антенн – теории антенн со случайными источниками. Признанием этого в СССР стало присуждение мне за эту работу престижной премии им. А.С. Попова Президиума АН СССР. Признанием за рубежом явилось то, что моя книга «Вопросы статистической теории антенн», вышедшая в СССР в 1970 г., сразу же была переведена в США и вышла там в 1971 г. Кстати, с этой книгой вышла довольно забавная история. Перевод книги и издание ее в США (издательство GolemPress, Boulder, Co) осуществил известный чешский ученый в области электродинамики проф. Петр Бекман, который в 1963 г. сбежал из Чехословакии в США. В списке литературы в моей книге не раз упоминается издательство ВИРТА. Соответственно, он прислал в начале 1972 г. три экземпляра переведенной им книги прямо в адрес Академии. Естественно, что в тогдашней обстановке магнакальной секретности, приход этих книг на почту Академии вызвал хороший переполох у ее руководства, да и в Москве тоже. Не буду описывать все детали. Обстановка разрядилась примерно через неделю по приезде в Академию Главкома Войск ПВО Маршала Советского Союза П.Ф. Батицкого, который, выслушав взволнованный доклад начальника Академии маршала артиллерии Ю.П. Бажанова, сказал ему: «Юрий Павлович, дорогой, я же тебя с этим поздравляю. Это же первый случай в войсках ПВО». На этом все и закончилось.

– *Яков Соломонович, к сожалению, в жизни не всегда все происходит так, как хотелось бы. Случаются неудачи, неприятности, разочарования. По-видимому, такие моменты были и в вашей жизни? В частности, непонятные игры с присвоением звания «Заслуженный деятель науки и техники Украины», а также проблемы с трудоустройством после увольнения из*

армии в 1980 г. – это результат чьего-то недоброжелательного, а может быть, враждебного отношения лично к Вам или проявление антисемитской политики советского аппарата?

– Конечно, у меня, как и любых других людей, в жизни были и печальные события, и огорчения, и неприятности, порою достаточно серьезные.

В пять лет я остался без мамы, в девять – без папы, которого в 1929 г. необоснованно репрессировали и при этом конфисковали все наше, и без того небогатое, имущество. В тридцатые годы мы (три брата и сестра) жили бедно и голодно. Старшие братья бросили школу и ушли работать на заводы, чтобы поднимать младших. Но так жили многие. Слава богу, 37-й год нас обошел. Началась война. В блокаду умер отец и другие родственники, сестра тяжело заболела и потом лечилась всю жизнь. Но, пожалуй, особо неприятными были разного рода трудности и ограничения, связанные с государственным антисемитизмом, начавшиеся в годы войны и существовавшие лет 50 до «горбачевских» времен. И, хотя во время войны и в послевоенное время я лично каких-либо прямых антисемитских высказываний в свой адрес со стороны окружавших меня людей не помню, но, если дело выходило на любые служебно-официальные уровни, мой «пятый пункт» не раз давал о себе знать, и это в немалой мере повлияло на мою жизнь и судьбу. Началось это в конце далекого 1943 г., когда начальство ВКАС отказалось взять меня в адъюнктуру, хотя начальник кафедры, на которой я делал дипломную работу, как я узнал об этом в 1946 г., очень этого добивался. Впрочем, сам я, только что вернувшийся с фронта, категорически от этого отказывался, считая, что идет война и надо возвращаться на фронт, а адъюнктура подождет. Позднее, весной 1948 г., когда я разработал, поставил курс радиолокации в Житомирском училище и подготовил себе достойную замену, я решил, что уже имею моральное право проситься в адъюнктуру какой-либо академии Вооруженных Сил. Как раз в

это время в училище пришли письма о наборе в адъюнктуру в двух академиях — ВКАС и АРТА. Я послал заявления в обе академии с просьбой о допуске меня к вступительным экзаменам в адъюнктуру. К сожалению, оба моих письма были отклонены со смехотворными объяснениями причин отказа. В одном из ответов писалось, что я, дескать, давно окончил ВКАС и все забыл, в другом — что я сравнительно недавно окончил ВКАС и не набрал должного войскового опыта. Но мир не без добрых, порядочных людей. Таковыми оказались начальник учебных заведений Войск ПВО страны генерал А.А. Осипов и начальник Житомирского училища полковник Г.С. Десницкий. С их помощью я был допущен к вступительным экзаменам в открывшуюся в 1948 г. адъюнктуру АРТА и после успешной сдачи экзаменов был в нее зачислен. Замечу, что после 1948 г. на протяжении многих лет, а может, и вообще (точно не помню) ни один еврей в адъюнктуру Академии не был принят (даже офицеры, окончившие АРТА с золотой медалью). В 1951 г. я успешно окончил адъюнктуру. И тут я снова дважды ощутил дыхание «пятого» пункта. Во-первых, при назначении на должность и, во-вторых, при прохождении моей диссертации через ВАК. Начну с первого. В то время как все мои товарищи по адъюнктуре были назначены старшими преподавателями на те же кафедры, где они писали свои диссертации, меня назначили преподавателем на аппаратную кафедру, хотя в адъюнктуре я был на кафедре теоретических основ радиотехники.

Что же касается прохождения моей диссертации через ВАК, то эта эпопея без каких-либо оснований растянулась на 2,5 года.

Прошло почти 30 лет моей службы в Академии. Работать мне не мешали, но и вниманием не баловали. Так, звание «Заслуженный деятель науки и техники» меня не удостоили, хотя многие мои ученики его получили. Но вот наступил 1980 (!) год — год моего увольнения из Вооруженных Сил. И хотя у меня была договоренность с руководством Акаде-

мии о том, что я останусь гражданским профессором на моей же кафедре, 31 августа 1980 г. меня грубо выкинули из Академии, заявив при этом, что даже свободной должности доцента для меня тоже нет. Начались трудные поиски работы. В университете, авиационном институте и отделении радиоастрономии Института радиофизики и электроники АН УССР мне отказали. Спасибо ректору ХИРЭ Всеволоду Георгиевичу Новикову, который сразу же (без согласования с райкомом) согласился принять меня на работу в ХИРЭ, где я работаю до сих пор.

В заключение отмечу, что те, мягко говоря, неприятности, которые я пережил из-за разнузданного государственного антисемитизма в СССР, не идут ни в какое сравнение с тем, что выпало на долю многих других моих соплеменников. Достаточно вспомнить лишь зверское убийство в январе 1948 г. С.М. Михоэлса, расстрел после трех с половиной лет издевательств и пыток в августе 1952 г. группы наиболее видных еврейских писателей и старого большевика С.А. Лозовского, бывшего во время войны председателем Совинформбюро, и, наконец, пик антисемитской истерии — дело врачей-убийц.

Крайне печально, что ни М.С. Горбачев, ни последующие руководители СССР и России не сочли нужным извиниться перед еврейским народом за те беды, которые этому народу принес многолетний государственный антисемитизм.

— *К счастью, на мой взгляд, Вам во многом повезло — Вы общались и взаимодействовали со многими действительно достойными и интересными людьми, Вы лично знакомы и тесно общались с выдающимися физиками, генеральными конструкторами и крупными военными руководителями. Кто из них произвел на Вас наиболее сильное впечатление? Расскажите, пожалуйста, о наиболее памятных встречах.*

— Да, мне в жизни везло на хороших людей. Я уже упоминал двух генералов — А.А. Осипова и Г.С. Десницкого, которые открыли мне дорогу в адъюнктуру. Отмечу

еще двоих: генерал-лейтенанта А.Ф. Горохова и Героя Советского Союза генерал-полковника авиации В.Н. Кубарева.

Первый из них в начале 50-х годов командовал Зенитной артиллерией Войск ПВО страны и был заместителем главнокомандующего этими войсками Маршала Советского Союза Л.А. Говорова. А.Ф. Горохов был высокообразованным, интеллигентным артиллеристом, вице-президентом созданной в 1946 г. Академии артиллерийских наук (до 1950 г.). Вместе с тем, это был боевой генерал, активный участник Отечественной войны, прославившийся, в частности, в боях за Крым. В начале 50-х годов он придумал тему НИР «Основы эксплуатации радиолокационной техники». Я в течение ряда лет был фактически его заместителем по этой теме. Общение с ним доставило мне большое удовольствие, как в деловом, так и в чисто человеческом отношении.

Теперь о генерале Кубареве. Он был начальником Академии им. Л.А. Говорова в последние годы моей работы там. Работалось с ним легко. Его не надо было долго убеждать в необходимости принять то или иное решение. Он быстро схватывал суть дела и принимал решение, не оглядываясь на Москву. Он же внес коррективы и в одностороннюю наградную политику предыдущего начальника академии Ю.П. Бажанова, при которой одни получили по два-три ордена, а другие, не менее достойные — ни одного. Кубарев представил меня к званию «Заслуженный деятель науки и техники», но из-за антисемитской позиции Главкома Войск ПВО это не увенчалось успехом.

Помимо ряда военачальников, в моей памяти осталось много других замечательных людей. Перечислять их нет возможности. Отмечу лишь двоих, замечательных ученых, с которыми у меня сложились многолетние братские отношения. Это член-корреспондент АН СССР Лев Давидович Бахрах и профессор Яков Наумович Фельд.

— С 1980 г. по настоящее время Вы работаете в Харьковском национальном университете радиотехники. Чем памятен для Вас этот период?

— Характерными для этого периода являются четыре аспекта моей деятельности. Первый — это интенсивная работа по подготовке научных кадров. Когда я, в 1980 г., пришел в ХИРЭ, то на всех факультетах радиотехнического профиля был лишь один доктор наук. Да и число кандидатов наук исчислялось единицами. На кафедре, на которую я пришел, у всех соискателей кандидатской степени был «завал» с диссертациями. Мне удалось разгрести этот завал за пару лет, а главное, с моим приходом (что отметил и ректор ХИРЭ) начались защиты докторских диссертаций. На протяжении лет двадцати все докторские диссертации по радиотехническим направлениям проходили через мои руки.

Второе, что мне удалось сделать, это восстановить ранее ликвидированную, но очень нужную кафедру технической электродинамики и антенн.

Третье — это начатая в 90-х годах, далеко выходящая за рамки ХИРЭ, работа по организации науки в области прикладной электродинамики в независимой Украине. Сперва мною был организован городской (позднее республиканский) семинар по антеннам, затем была создана Украинская национальная ассоциация «Антенны», а в 1995 г. я инициировал проведение международной научной конференции по антеннам, а в 2002 г. — и по сверхширокополосным сигналам. К настоящему времени проведено уже 17 конференций.

И, наконец, четвертый аспект моей деятельности в ХИРЭ-ХНУРЭ — это многоплановая работа по интеграции украинской науки в мировую. Она включала:

- создание в 1995–2000 гг. двух отделений Международного института инженеров-электриков (IEEE);
- приглашение на наши научные конференции иностранных ученых;
- активное участие в международных научных конференциях, проводимых как за рубежом, так и в Украине;
- чтение лекций по прикладной электродинамике за рубежом.

После развала СССР, начиная с 90-х годов, я побывал с докладами и лекциями в 18 зарубежных странах более 30 раз. Вся эта работа способствовала тому, что сегодня наш университет ХНУРЭ широко известен за рубежом и пользуется заслуженным авторитетом.

– *Яков Соломонович, каким образом Вам удалось сочетать педагогическую, воспитательную, научную и научно-организационную формы деятельности, достигая при этом впечатляющих результатов на всех поприщах?*

– Ответить на этот вопрос достаточно сложно. Есть ряд факторов, способствующих успеху в столь многоплановой деятельности. Это любовь и склонность к научно-педагогической деятельности, определенные организаторские способности, настойчивость и целеустремленность в решении поставленных задач, желание помочь людям и, вероятно, самое главное – упорный, напряженный труд.

– *И, наконец, что вы можете пожелать молодым людям, вступившим на стезю науки в столь сложный и неоднозначный во всех отношениях период?*

– Прежде всего, я хотел бы отметить следующее. За все годы существования независимой Украины финансирование науки в стране осуществляется весьма и весьма скудно. Оправдывают это тяжелым экономическим положением Украины. Думаю, однако, что каким бы это экономическое состояние не было, оно все же лучше, чем состояние экономики СССР после окончания Великой Отечественной войны, когда половина страны лежала в развалинах. И, тем не менее, в 1946 г. по инициативе Сталина зарплата ученых была резко повышена, и для них были введены продуктовые и промтоварные лимитные карточки. В эти же послевоенные годы было создано много новых НИИ и вузов, в том числе и АРТА. Все это способствовало резкому подъему на-

уки, и уже к середине 50-х годов по ряду важнейших научных направлений СССР вышел на мировой уровень. Многолетнее скудное финансирование науки в Украине очень дорого обойдется нам в будущем. К сожалению, ошибочная позиция государства в вопросах финансирования науки, по-видимому, сохранится и в обозримом будущем. Я, конечно, исключая нынешний «военный» период в жизни Украины, который, надеюсь, вскоре закончится. Поэтому мое основное пожелание молодым ученым – не изменять науке в трудное время. По-настоящему талантливые люди, горячо любящие науку, в особых советах не нуждаются. Я бы лишь пожелал им более активно публиковаться, в том числе в иностранных журналах, а также активно участвовать в зарубежных научных командировках. Тем более что многие организаторы этих конференций оказывают нашей молодежи финансовую поддержку.

Что же касается основной части научной молодежи (аспирантов и соискателей), то они, зачастую, защитив кандидатскую диссертацию и перейдя на преподавательскую работу, прекращают заниматься наукой. Мой совет им – в той или иной мере продолжить занятия наукой. Во-первых, это заметно расширяет кругозор преподавателя, а во-вторых, преподаватель, не занимающийся наукой, вряд ли способен стимулировать студентов к творческой активности, научить их думать, что очень важно для будущей успешной работы выпускников вуза.

– *Яков Соломонович, я хочу поблагодарить Вас за интересную и содержательную беседу и еще раз пожелать Вам всего самого наилучшего.*

Провел интервью Костенко А.А.

к. ф.-м. н., с. н. с.

Института радиопизики и электроники им. А. Я. Усикова НАН Украины